

ПРИНЦИП НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ПЕРВОЙ КОНСТИТУЦИИ ТУРЦИИ (1921 г.)

Национальный суверенитет уже со времен Французской революции прочно входит в число основополагающих демократических принципов и прав. Бурное развитие производства и его интернационализация, связанные с перекройкой государственных границ и созданием колониальных империй, с закабалением одних наций другими, с непрекращающейся миграцией населения и перемешиванием наций и народностей, а также развитие национального самосознания и национальных движений ставят проблему развития наций, межнациональных отношений и утверждения суверенитета нации на одно из первых мест. XX век обострил эту проблематику: две мировые войны, Октябрьская революция и провозглашенное ею право наций на самоопределение, вплоть до отделения и создания самостоятельных государств, а также распад колониальных империй в середине и конце XX века еще больше драматизировали эту проблематику, сделали ее осью многих международных конфликтов и предметом многочисленных международных переговоров.

В первую очередь для большего понимания предмета исследования обратимся к словарю общественных наук. Итак, национальный суверенитет – совокупность прав нации (народа) на свободу выбора социального и политического строя, на территориальную целостность, экономическую независимость и т. д. [17].

В контексте данного вопроса интересен опыт Турецкого государства. Для начала обратимся к историческим фактам, приведшим турецкое общество к необходимости принятия Конституции.

После подписания Севрского мирного договора, Турция подверглась практически полному разоружению, восстанавливала отменённый младотурками капитуляционный режим и финансовый контроль со стороны держав Антанты. Для финансового контроля создавалась особая союзная комиссия, которая распоряжалась как доходами, так и расходами Турции. Значительно сокращалась численность армии и жандармерии Турецкой Республики. Войска находились под контролем союзной военной комиссии.

Фактически при ратификации данного договора Турция прекратила свое существование как государство [15].

Этот договор сформировал впоследствии в устроении турецких националистов так называемый “севрский синдром”, ставший, можно сказать, частью национальной идеологии, в итоге он придал на долгие годы этой идеологии ожесточённость в отношении к меньшинствам в стране, к проблемам сепаратизма, целостности Турции [9, 132].

Однако на тот момент, подписание Севрского мирного договора подвигло Грецию на весьма решительное наступление вглубь Анатолии. Вступивший на греческий престол король Константин, поддерживаемый британским правительством, выдвинул идею создания Великой Греции “на трупе Турции”. Константин стал во главе греческой экспедиционной армии, которая активно продолжила своё наступление [10, 248].

Кемаль осознавал, что надо было создать из его ополчения регулярную армию. Он выказал большой организаторский талант созданием новой “Национальной Анатолийской армии” из обломков старой турецкой армии, у него было около 5000 офицеров старой турецкой армии, среди которых выделялись генерал Исмет-паша, Али Фуад-паша, Кязим Карабекир.

Но даже и регулярная армия Кемалья вначале не представляла собой настоящего войска. Она насчитывала около 25 000 бойцов, была плохо снаряжена и почти не имела артиллерии. С точки зрения западных специалистов такая армия не могла считаться серьезным противником. Но она была воодушевлена идеей, каждый солдат знал, что он сражается за существование своей родины [16, 36].

Оккупация Стамбула 16 марта 1920 года и разгон османского парламента были по существу объявлением войны Анатолии. Национальные организации приняли вызов – представительный комитет решает создать новую верховную власть. Это был перелом и в политической стратегии Кемалья по отношению к Стамбулу. Прежде, производя нажим на стамбульское правительство, Кемаль в сущности не нарушал действующих законов. Фактическое неповиновение султану он облек в юридически безукоризненную форму отставки из армии, а борьбу против Дамада Фериды-паши – в форму верноподданнической петиции. Даже “общества защиты прав” были зарегистрированы с соблюдением

должной процедуры в вилайетских управлениях. Лишь теперь, после оккупации Стамбула империалистами, Кемаль делает первый по-настоящему революционный шаг: созывает в Анкаре Великое национальное собрание в Турции (ВНСТ) – новый, не предусмотренный османской конституцией полномочный меджлис, и предлагает вручить ему бразды управления страной [11, 14–15].

В первых же своих выступлениях Кемаль, сделав подробный обзор событий за время, прошедшее со дня подписания Мудросского перемирия, выдвинул перед депутатами тезис, которому он и тогда и позднее придавал наибольшее значение, тезис о национальном суверенитете. Нация, говорил он, стала хозяином своего суверенитета и не отдаст его никому. Исполнителем воли нации является Великое национальное собрание, в котором сосредоточена и законодательная и исполнительная власть [3, 87].

Активные военные действия продолжались до осени 1921 года. Освободив центральную Анатолию, ВНСТ принялось за внутреннее реформирование существовавших ранее принципов государственности, хотя много противоречий существовало внутри Национального собрания, что было самое опасное по отношению к стамбульскому режиму. Двоевластие было опасно хотя бы потому, что вскоре предстояло начать переговоры по мирному договору – 20 ноября 1922 года открывалась Лозаннская конференция [1, 246–247].

Принятый ВНСТ по инициативе Мустафы Кемалья и его группы 20 января 1921 года закон “Об основных организациях” считается первой конституцией, принятой новой, зарождавшейся властью.

Первая конституция была достаточно краткой и содержала всего 23 статьи. Опубликованный текст содержал следующие статьи:

Статья 1. Верховная власть, безусловно, принадлежит нации. Способ управления опирается на основу действительного и непосредственного уважения прав народа.

Статья 2. Законодательные права и компетенция их объявления сосредоточены в единственном действительном представителе нации, в Великом Национальном Собрании.

Статья 3. Турецкое государство управляется Великим Национальным Собранием и правительство его носит название “Правительство Национального Собрания”.

Статья 4. Великое Национальное собрание составляется из членов, выбранных населением вилайетов.

Ст. 5. Выборы Великого Национального Собрания будут происходить один раз в два года. Полномочия выбранных членов продолжаюте тоже в течение двух лет. Депутаты могут быть избираемы при следующих выборах. Старый состав Великого Национального Собрания продолжает работу до прибытия нового состава. В случае, если нет возможности произвести новые выборы, полномочия собрания продолжаюте еще на один год. Член Великого Национального Собрания является не только представителем вилайета, выбравшего его, но и представителем всей нации.

Ст. 6. Пленум Великого Национального Собрания собирается в начале ноября без приглашения.

Ст. 7. Права, как осуществление религиозных законов, отмена и исправление общих законоположений, утверждение договоров и мира, объявление обороны принадлежат Великому Национальному Собранию. При выработке и развитии законов и положений будут положены в основу: дружеские взаимоотношения между людьми, соответствие их с потребностями момента, уважение к законам, выработанным согласно принципам Ислама, правам и обычаям народа. Обязанности и ответственность Совета Комиссаров регламентируется особым законом.

Ст. 8. Великое Национальное Собрание управляет государством посредством выборных им согласно специальному закону представителей (комиссаров). Для пользы дела и по мере надобности Собрание будет заменять комиссаров другими лицами.

Ст. 9. Председатель, избранный Пленумом Великого Национального Собрания, является Председателем Великого Национального Собрания по окончании срока его (собрания) полномочий. Председатель правомочен подписывать от имени Собрания и утверждать постановления Совета Комиссаров. Комиссары из своей среды выбирают председателя Совета Комиссаров, однако председатель Великого Национального Собрания является в то же время и председателем Совета Комиссаров [13].

Также есть отдельная статья, которая регулирует вступление данного документа в силу:

“Настоящий закон входит в силу со дня его издания. Однако ввиду решения на заседании от 5-го сентября 1336 года, на осно-

вании первых статей утвержденного в данный момент закона, не распускать первый созыв Великого Национального Собрания до достижения поставленных им задач, статьи 4, 5 и 6 этого закона об основных организациях будут приведены в исполнение только после новых выборов Собрания, которые произойдут, когда настоящий состав Великого Национального Собрания большинством голосов признает намеченные цели достигнутыми” [13].

Относительно первой статьи о суверенитете нации возникло достаточно много споров. В ответ на попытки оспорить это положение Кемаль энергично заявил: “Нация приобрела суверенитет. И она его приобрела путем восстания. Приобретенный суверенитет, ни по какой причине и никоим образом не отдается обратно и не доверяется никому другому. Чтобы отобрать суверенитет, нужно применить те же средства, какие были употреблены при его обретении” [8, 136–138].

В сфере идеологии Мустафа Кемаль особое значение придавал тогда принципу народности – он стал одним из основных, наряду с принципами национализма и национального суверенитета. Он указывал, что подлинный характер нового национального бытия состоит в принципах народности и народного правительства. Надо довести до сознания каждого, говорил он, что власть передается народу, который становится, таким образом, хозяином своей судьбы [6, 66–67].

Национальный суверенитет, ничем и никем не ограниченный, сосредоточенный целиком и полностью в меджлисе, – вот основа почти каждой речи Кемалья в этот период.

“Меджлис, и только меджлис, – говорил Кемаль, – осуществляет основные права. Установление ограничений не является ни задачей, ни прерогативой вашего высокого собрания” [12, 87–89].

Вторая статья подчеркивала, что “законодательные права и компетенция их объявления сосредоточены в единственном действительном представителе нации, в Великом Национальном собрании”.

Однако данная Конституция не включала каких-либо упоминаний о судебной системе и правах и обязанностях граждан, это было обусловлено существующей необходимостью укрепления власти [2, 156].

Закон оставался пока единственным основным законом новой Турции, альтернативой османской конституции и играл важную роль в становлении новой Турции.

После ратификации Конституция 1921 года стала основным законом страны на три года, до принятия Турецкой Конституции 1924 года.

Конституция 1921 года служила также законным основанием для ведения Турецкой войны за независимость (1919–1923) и противоречила принципам подписанного представителями Османской империи в 1919 году Севрского договора, по которому большая часть территории Османской империи была оккупирована странами Антанты, победившими в Первой мировой войне [2, 158].

Формально закон “Об основных организациях” не отменял, а лишь “дополнял” старую конституцию (то есть «конституцию Мидхат-паши» 1876 года с поправками 1909 года), но на деле он не оставлял монарху никакого места в управлении страной.

Вот что говорил М. Кемаль в своей речи от 1 ноября 1921 года: “Что же касается халифата, связывающего духовно мусульман всего мира, мы глубоко уважаем это священное учреждение, которое останется руководителем духовной жизни мусульман, но оно, как священное, не должно заниматься светскими делами” [5, 355].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что Великое Национальное собрание окончательно закрепляет за собой светскую власть, отбирая таковую у султана и, таким образом оставляя последнего только халифом мусульман, то есть духовным лидером по примеру папы римского, хотя Кемаль и его соратники дипломатично не говорят об этом открыто.

Рассматривая данную ситуацию, оставалась возможность восстановления власти Султана в рамках Конституционной монархии по примеру Французской Конституции 1791 года. Несмотря на это, этот сценарий был отброшен ввиду необходимости укрепления власти из-за ведения Турецкой войны за независимость и объявления Турции Республикой.

Так в 1922 году Рефет-паша на своем выступлении в Стамбульском университете заявляет, что “...нация спасена не одним человеком, а идеей о национальном суверенитете. Султанат – это вся нация, нам нужна не монархия, не республика, а правитель-

ство, отстаивающее национальный суверенитет, и халифат, освобожденный от властных полномочий...” [3, 648–649].

Данная идея ликвидации султаната уже была озвучена ранее М. В. Фрунзе, главой чрезвычайной миссии СССР в Анкаре: “Для турок султан не более важен, чем прошлогодний снег. Это касается не нынешнего султана Мехмеда VI, а самой идеи султаната. За три года страна научилась жить без него и убедилась, что в его отсутствие мир не рухнул” [7, 211–212].

Однако воплощение этой идеи в жизнь требовало терпения и умения выжидать, ведь максимально безболезненным способом было разделение султана и халифата. Такой удобный момент представился перед началом Лозаннской мирной конференции. 29 октября великий визир телеграфирует Мустафе Кемалю, предлагая направить на мирную конференцию одну общую делегацию, состоящую из представителей Стамбула и Анкары [11, 18–20].

30 октября 1922 года на заседании ВНСТ было внесено предложение о привлечении к судебной ответственности членов султанского правительства за государственную измену и о ликвидации султаната. Это предложение обсуждалось одновременно на заседаниях трех комиссий – конституционной, юридической и шариатской. Реакционные депутаты, особенно представители духовенства, выступили против ликвидации султаната, утверждая, что отделение светской власти от духовной является покушением на основы религии. Мустафа Кемаль опроверг эти утверждения клерикалов, однако на объединённом заседании трёх комиссий под председательством ходжи Мюфрид-эфенди реакционеры одержали победу: большинством голосов законопроект об отделении султаната от халифата был отвергнут. После этого Мустафа Кемаль обратился к более убедительным аргументам и одержал победу.

Судьба законопроекта была решена, 1 ноября 1922 года ВНСТ приняло закон об отделении султаната от халифата, о ликвидации султаната с передачей ВНСТ всей полноты власти в стране, а также об избрании нового халифа из представителей Османской династии [4, 99–100].

Султан Мехмед VI Вахидеддин по совету союзных комиссаров вынужден был бежать из дворца в больничной карете на английский военный корабль. 17 ноября 1922 года Рефет-паша отправляет в Анкару следующую телеграмму: “Этой ночью Вахидеддин

исчез из дворца. Я направил во дворец начальника полиции и командующего войсками Стамбула, чтобы уточнить ситуацию... Имею честь Вам передать также письмо и заявление генерала Харрингтона”.

“Мы официально заявляем, – пишет Харрингтон, – что Его Императорское Величество по причине опасностей, угрожающих в настоящее время его жизни и свободе, попросил британской защиты как халиф всех мусульман; одновременно Его Императорское Величество решил покинуть Константинополь. Его желание исполнено этим утром...” [7, 217].

Бывший султан прибыл на Мальту и до самой смерти в Сан-Ремо 15 марта 1926 года называл себя халифом всего мусульманского мира.

Это была историческая победа над феодальной реакцией. Кемаль публично утверждал, что объективно события уже привели народ к пониманию необходимости низложения султаната. Но теперь надо идти дальше, превращать Турцию в современную страну и двигаться в ногу с цивилизацией [14, 70].

Вместе с ликвидацией султаната прекратилось существование султанского правительства, кончилось двоевластие. 4 ноября 1922 года в отставку вместе со всем своим кабинетом ушёл великий везир Ахмед Тевфик-паша, который доставил атрибуты своей власти Мехмеду VI Вахидеддину в Йылдыз .

Через день после отъезда Мехмеда VI Вахидеддина ВНСТ формально лишило его сана халифа, указав в соответствующей фетве, что “он перешёл на сторону противника, сражавшегося с защитниками веры, посеял семена братоубийственной резни, отдался под защиту иностранной державы и дезертировал из столицы халифата, укрывшись на борту английского корабля” [16, 47].

Пост халифа через третье лицо предложили кузену Мехмеда VI Вахидеддина, наследному принцу Абдул Меджиду, сыну султана Абдул Азиза от его первой жены и одновременно старшему из всех оставшихся в живых представителей Османов по мужской линии. Он принял этот титул, и 19 ноября 1922 года Мустафа Кемаль-паша телеграммой известил его об избрании халифом.

Сохранение халифата было кратковременной уступкой феодально-клерикальным кругам, принадлежавшим в межджисе ко “второй группе защиты прав” и сохранявшим немалое влияние

в стране. Её поддерживала и так называемая “генеральская оппозиция” во главе с Рауф-беем. Надо учитывать также, что в Стамбуле возобновила свою деятельность организация “Единение и прогресс”. Реакционные стамбульские газеты, которыми руководили младотурки, вели активную пропаганду в пользу халифа.

Теперь уже вопрос о необходимости пересмотра Севрского договора ни у кого не вызывал сомнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mango A. Atatürk*. London, 2001.
2. **Türkiye Cumhuriyeti tarihi**. Ankara, 2002. Cilt 1.
3. *Kemal Atatürk. Nutuk*. Istanbul, 1963. Cilt 1.
4. **Türk Anayasa Metinleri, 1839–1980. Seref Gozubu – yuk ve Suna Kili**. Ankara, 1982.
5. Вопрос об отнятии светской власти у султана // **Новый Восток**. 1922. № 1.
6. *Данилов В. И.* Турция 20–30-ых годов: Путь демократии // **Восток**. 1997. № 2.
7. *Жевахов А.* **Ататюрк**. Москва, 2008.
8. *Кемаль Ататюрк. Избранные речи и выступления* / Пер. с тур., ред. и вступ. ст. А. Ф. Миллера. Москва, 1966.
9. *Киреев Н. Г.* **История Турции XXI век**. Москва, 2007.
10. *Корсун Н. Г.* **Греко-турецкая война 1919–1922**. Москва, 1940.
11. *Миллер А. Ф.* **Актуальные проблемы новой и новейшей истории Турции**. Москва, 1983.
12. *Кемаль М.* **Путь новой Турции**. Том I. Первые шаги национального движения 1919 года. [Б.м.], 1929.
13. РГАСПИ, ф. 544, оп. 3, д. 117, л. 98.
14. *Розалиев Ю. Н.* Мустафа Кемаль Ататюрк // **Вопросы истории**. 1995. № 8.
15. **Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне**. Москва, 1927.
16. *Шталь А. В.* **Малые войны 1920–1930-х годов**. Москва, 2003.
17. www.glossary.ru. – проверено 11.03.2011.